

МВД России
Санкт-Петербургский университет

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)**

**В 2-х частях
Часть 1**

Материалы
XVIII международной научной конференции
29–30 апреля 2021 года

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора,
заслуженного работника высшей школы
Российской Федерации
Н. С. Нижник

Санкт-Петербург
2021

УДК 340.12
ББК 67.3
Г 72

Г 72 Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи)
[Электронный ресурс]: в 2-х частях. Часть 1: материалы XVIII международной научной конференции. Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 г. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, А. В. Демидов. — Электронные дан. (3,90 Мб). — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. — 1 электрон. Опт. Диск. — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-91837-387-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-91837-386-6

В сборник включены тексты докладов участников XVIII международной научной конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи)», состоявшейся в Санкт-Петербургском университете МВД России 29–30 апреля 2021 г.

Конференция проведена в рамках деятельности научной школы «История, становление и деятельность МВД России».

УДК 340.12
ББК 67.3

Редакционная коллегия:

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
Демидов А. В., кандидат юридических наук, доцент;
Удальцов А. А., кандидат юридических наук, доцент;
Семенова О. В., кандидат юридических наук, доцент;
Талянин В. В., кандидат юридических наук, доцент;
Никифорова С. А., кандидат юридических наук;
Федоринова Е. А., кандидат юридических наук;
Козинникова Е. Н.;
Чукаев Т. О.

ISBN 978-5-91837-387-3 (ч. 1)
ISBN 978-5-91837-386-6

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Степанян А. И. (Санкт-Петербург) Полицейская система государства: особенности структурно-институциональной организации 522

Раздел VII

ОБРАЗ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА 527

Сидоренко Н. С. (Челябинск) Образ Государственной думы Российской империи на страницах периодической печати и в общественном сознании жителей Урала 527

Кавецкая В. В. (Владивосток) Вклад В. К. Арсеньева в приращение российского имперского ментального пространства образами жителей «Русского Востока» 538

Черепанов С. И. (Нижний Новгород) Примеры положительного образа полицейского в русской классической литературе 545

Борисов А. В., Стёпкин Е. Ю. (Москва) Полиция и полицейские в романах ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы» 551

Кеменяш Ю. В. (Белгород), **Баранова Т. Ю.** (Москва) Влияние СМИ и современной киноиндустрии на формирование образа сотрудника полиции 558

Михайлова Н. С. (Санкт-Петербург), **Жаворонкова А. А.** (Санкт-Петербург) Кто не знает Дядю Степу? Дядю Степу знают все!.. 562

Кетенчиева Е. С. (Санкт-Петербург) Роль образа полицейского в компьютерных играх на формирование гражданского доверия к сотрудникам полиции 565

**ВКЛАД В. К. АРСЕНЬЕВА В ПРИРАЩЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО МЕНТАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ
«РУССКОГО ВОСТОКА»**

XIX век – время конструирования больших человеческих полиэтничных общностей на принципиально новой основе и формирования национального самосознания. Понятия «этнос» и «нация» (группа, племя, народ) обретают новое, гражданско-политическое, значение во взаимосвязи с понятиями «империя» и «колонизация». С тех пор понятие рассматривается в двух смыслах: как определенная стадия развития этноса – этнонация, и как гражданское сообщество, объединенное идеей общего Отечества¹. В этом процессе доминирующую роль играло государство, направляя усилия на созидание общенациональной культуры путем универсализации этнических культур и строения единой гражданской идентичности. Иными словами, создавая некие «воображаемые сообщества»². Перемещения разного рода «паломников» по пространству империи – от центра к периферии и обратно – создавали новые образы географии пространства и меняли представления о его территории и населении.

Внутренняя колонизация как способ создания империи и собирания нации, характерная для России, породила отношение государства к своей территории как требующей заселения и «окультуривания», направляемых из единого центра. При этом новые земли и народы, включаемые в состав империи, воспринимались не колониями, а неотъемлемой частью государства³.

* *Кавецкая Вера Вячеславовна* – начальник отдела исследований Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (Владивосток); аспирантка Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

В отличие от иных колониальных держав, Россия имела не географическую дистанцию между метрополией и колонией, а культурную дистанцию между властью и подданными, что, по мнению А. Эткинды, было ключевым в реализации колониальной политики⁴. Жителей колонии нужно было уподобить жителям метрополии, а метрополии – получить всесторонние знания о них, чтобы эффективно включить в управляемую систему. Отсюда направленность на уменьшение культурных различий и стирание социокультурных границ. Но прибавление земель добавляло и различий народов. Как маркеры многообразного единства, они придавали особый статус, поэтому Российская империя являла себя лоскутной совокупностью своих колонизируемых окраин, что ярко показала на Парижской Промышленной выставке 1900 г.⁵

Во второй половине XIX – начале XX в. в России возрос интерес к истории, быту и нравам жителей земель, присоединяемых в процессе движения на восток и ставших основой для формирования российской нации⁶. Потребность увидеть мир и себя иных породила комплексные экспедиции самых разных ведомств: от государственного военного до отделений Русского географического общества, организованного в середине XIX в. Несмотря на разнообразие задач, которые они решали, главной внутренней интенцией были колониационные цели: освоить присоединенные земли и включить их жителей в население единой страны. Имперская унификация и мобильность «паломников» были определяющими для национальных границ и в географическом, и в ментальном поле. Паломники – народоведы из числа местных чиновников, участников академических экспедиций, политических ссыльных, путешественников выполняли функцию межкультурных медиаторов.

Имперское знание о народах «периферии» как своем «ином» вызывало интерес и среди простолюдинов, подавляющая масса которых до второй четверти XIX в. практически не читала светскую литературу. Поэтому национально-государственная идентичность символически скреплялась ви-

зуальными образами⁷. Облики российских «этносов» играли в самопознании жителей огромной империи гораздо бóльшую роль, чем вербальный нарратив. Именно они сыграли ключевую роль в интеграции чрезвычайно разнородных социальных, религиозных, этнических групп в государственное целое⁸. Инструментом имперского знания стала этнография (народоведение), развивавшаяся в России в русле европейского подхода. Ведущим методом был визуальный. Образы «чужих своих» презентовались: костюмом, описанием нрава, образа жизни, физиогномикой. Как отмечает М. В. Лескинен, в научном описании обязательно присутствовали: визуальное отражение наблюдаемого исследователем, сведения о результатах наблюдений предшественников и историко-географические данные. Визуальный компонент дополнялся вербальным нарративом, как комментарий к «костюмам» – иллюстрациям⁹. Открытие каждого этноса в ходе экспедиционного исследования требовало его выделения путем классификации разнородных сведений, сравнения с иными автохтонами и определения границ культурного ареала. Поэтому различающие этнографические визуализации неизбежно противоречили унификаторским стремлениям власти. Сглаживание достигалось нацеленностью художественных образов на тождество, а не через контраст.

В русле отмеченных тенденций осуществлял свой гуманитарный исследовательский проект Владимир Клавдиевич Арсеньев¹⁰. Будучи исследователем Уссурийского края, старался всеми возможными способами показать миру культуру коренных жителей Дальнего Востока. Подобно многим путешественникам – народоведам тех лет, он не был академическим ученым и осуществлял исследования наряду с обязанностями сначала военной, а затем – гражданской службы, нацеленными на сбор сведений для решения задач колонизации. Интерес к народам региона привел его к самостоятельному освоению этнографии, принципы и методы которой он применял в изучении аборигенного населения в ходе экспедиций. Природа и воспитание наделили путешественника всеми необходи-

мыми качествами и способностями для экспедиционных изысканий и визуализации их результатов. Как отмечают исследователи, В. К. Арсеньев создал впечатляющий образ Дальнего Востока на пересечении научного и художественного дискурса с использованием целого спектра соответствующих приемов: системное описание, нейминг, карто- и топографию, литературные описания и визуальные средства (фото- и киносъемку; рисунок)¹¹. Основой его стали образы дальневосточных этносов, наиболее известный среди них – Дерсу Узала.

Такую же «зримость» обретали и этнографические сборы В. К. Арсеньева: вещественные коллекции, экспедиционные фотографии, которые он использовал для иллюстрации в своих публикациях, дневниковые зарисовки этнографических предметов. Путешественник отправлял собранные коллекции во многие музеи страны и за рубежом: в петербургские: МАЭ имени Петра Великого (Кунсткамера) и Этнографический отдел Русского музея; Этнографический музей университета Казани и Антропологический музей Московского университета, Вашингтонский музей естественной истории. Создавал этноэкспозиции в дальневосточных музеях: Гродековском музее Хабаровска, где был директором в 1910–1919 гг. и 1924–1925 гг., и Музее Общества изучения Амурского края во Владивостоке, где в начале 1920-х годов был заведующим этнографическим отделом. Участвовал в создании народоведческих экспозиций на региональных и столичных выставках: Общероссийской этнографической выставке 1911 г. в Русском музее, где представил Николаю II свои коллекции, отмеченные Серебряной медалью¹²; «Выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия Дома Романовых» 1913 г. в Хабаровске, где за экспозицию «туземного» отдела был награжден Золотой медалью Амурского общества сельского хозяйства¹³.

Традицию знакомства россиян с жителями дальневосточных окраин страны исследователь продолжил и в 1920-е годы, являя собой, по выражению Е. А. Чач, «последнего строителя империи на Дальнем Востоке»¹⁴. Целям визуальной ре-

презентации этнических образов дальневосточных народов служила уникальная серия картин-реконструкций, переданная им в Читинский музей¹⁵ и ныне хранящейся там¹⁶. Десять работ, созданных Арсеньевым в соавторстве с художниками К. П. Трофимовым и А. Н. Клементьевым, представляют восемь туземных народностей: гольды (нанайцы), ламуты (эвены); удэгейцы, орочи, айны, чукчи, алеуты, гиляки (нивхи). Картины были созданы для Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки¹⁷ 1923 г. в Москве, за участие в которой Арсеньев получил Диплом 1-й степени. Они тиражировались в разных изданиях, что значительно увеличило сферу распространения несомых ими образов¹⁸. В отличие от картин – «костюмов», нацеленных на деперсонализацию и унификацию этнического разнообразия, реконструкции Арсеньева не были статичными; отражали телесную динамику, детали одежды, орнаментальную канву и физические особенности антропологического типа лица и тела. Они были включены в целостный образ региона, связанный с уникальностью природы, климата и ландшафта и определяющий этническое разнообразие культурных практик и нравственных правил. В подлинной достоверности и искреннем приятии этих людей была удивительная притягательность создаваемых Арсеньевым картин жизни и обликов коренных жителей края, «чужих, ставших своими».

Подобно другим культурным посредникам между имперской и автохтонными дальневосточными культурами, В. К. Арсеньев открывал миру индигенные народы региона визуальным способом, наиболее востребованным в тот исторический период. Восполняя «белые пятна» ментального пространства образами своего, внутреннего, Российского Востока, он внес значимый вклад в формирование полиэтнического и поликультурного образа страны, постигающей и осознающей себя как империю.

Версия для доклада «Этнографическое наследие В. К. Арсеньева в интеграции визуальных образов коренных народов Дальнего Во-

стока в российскую культуру» на пленарном заседании конференции «Дальневосточное искусство и мир» (Дальневосточный федеральный университет, 8–9 апреля 2021 г.).

© Кавецкая В. В., 2021

¹ Паскачев А. Б. Национальная политика России (от империи – к единой российской нации). М., Ярославль, 2016. С. 40.

² Термин, которым очень точно и лаконично определил нацию Б. Андерсон, раскрыв сущность нового способа социальной взаимосвязи в целостном восприятии пространства, времени и человеческой солидарности – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2016. С. 13.

³ Ходарковский М. В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сборник статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 111.

⁴ Эткинды А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.

⁵ Шевеленко И. Репрезентация империи и нации: Россия на Всемирной выставке 1900 года в Париже // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сборник статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 413–446.

⁶ Клюсова П. С. Медиарепрезентация образов этнической культуры как способ сохранения идентичности: Автореф. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2020.

⁷ Янковская Г. [Рецензия] // AbImperio. 2009. № 1. С. 440–441. – Рец. На кн.: Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / Ed. V. A. Kivelson and J. Neuberger. NewHaven: Yale University Press, 2008. XV. 284 p.

⁸ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

⁹ Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 453.

¹⁰ Арсеньев В. К. – русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока, военный востоковед. Наиболее известны его книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

-
- ¹¹ Голознева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 216.
- ¹² Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985. С. 301.
- ¹³ Хисамутдинов А. А. «Впервые осветил географию многих мест»: В. К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. 2017. № 3. С. 38.
- ¹⁴ Чач Е. А. «Ориентализм» Серебряного века: факты и наблюдения / Под ред. Ю. К. Руденко. 2-е изд., доп. СПб., 2017. С. 216.
- ¹⁵ Забайкальский краевой краеведческий музей имени Алексея Кирилловича Кузнецова.
- ¹⁶ Алкин С. В., Васильев С. Г. «Этнографические картины туземных народностей Восточной Сибири» В. К. Арсеньева // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы II международной конференции, посвященной 80-летию П. Б. Коновалова (Улан-Удэ, 4–6.12.2017). Улан-Удэ, 2017. С. 258–260; Бухоголова И. В. Серия этнографических картин-коллажей В. К. Арсеньева как объект культурно-художественного наследия // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: Материалы Международной научно-практической конференции. Чита, 16 мая 2019 г. / Отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита, 2019. С. 254–257;
- ¹⁷ Открылась в 1922 г., скоро переименована во Всесоюзную. Последовательница выставок достижений, проводившихся в крупных городах с середины XIX в. ежегодно. Предшественница ВДНХ.
- ¹⁸ Natural History. New York, American Museum of Natural History. № 6. P. 713–717. – <http://www.archive.org/details/naturahistory2416newu> (дата обращения: 10.04.2021); Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск; Владивосток, 1928.